

Масаев М. В.

**Феномен постижения проблемы соотношения фактов и символов
в историческом дискурсе**

В статье, проанализировав ход мировой истории и её новые интерпретации в период перехода всех постсоветских, а также постсоциалистических государств Европы от социализма к капитализму, автор приходит к выводу, что историк оперирует не столько фактами самими по себе, а символами. Символы эти, выстроенные в определённой последовательности, дают возможность историкам произвольно монтировать их, совершая фактически фальсификацию истории. Для того, чтобы историк был объективен, надо научиться понимать символы (иероглифы) исторических фактов и оценивать любой символ (иероглиф) исторического факта в рамках этого предварительного анализа символов.

Ключевые слова: факт, иероглиф, символ, символический универсум, интеллектуальная мозаика, фальсификация истории.

Постановка проблемы. Актуальность темы очевидна. В переходную эпоху, когда векторы и внешней, и внутренней политики меняются с каждым «демократическими» выборами, а при этом изменения векторов политики зачастую проходят и без выборов - путём «революционных» переворотов, «майданов» и т. п., происходит частая смена официальных оценок и интерпретаций исторического прошлого. Жизнь подтверждает афоризм Лейбница о том, что “le present est charge du passé, et gros de l’avenir” (настоящее отягощено прошедшим и чревато будущим. – М. М.). Как будет интерпретировано прошлое, так будет строиться и будущее.

Историческая наука едва успевает справляться с поставляемыми властью задачами. Тот факт, что наука всё-таки успевает решать новые задачи, наводит на мысль о том, что наша историческая наука становится похожей на уроки арифметики в начальной школе, где ученики с сосредоточенным усердием подгоняют решения к заранее известным ответам. Такая «послушная» история внушает обществу мысль о «послушной» власти и настоящего, и будущего, обрекая народ на пассивное ожидание от властей

благ без какой-либо надежды их участия в решении судеб страны. Это право ему якобы даёт демократия, о приверженности которой без устали твердят сменяющие друг друга управляющие страной команды.

Цель исследования – установить, чем оперирует историк: фактами самими по себе или символами.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи**:

- уяснить, что есть для историка факт;
- уяснить, что есть для историка символ;
- установить, может ли историк оперировать фактами;
- показать, как, оперируя символами, историк может сделать историю «послушной», то есть сфальсифицировать и «переделать» её в интересах находящейся у власти элиты общества.

Объект исследования – исторический дискурс в самом широком смысле этого слова.

Предмет исследования – соотношение фактов и символов в историческом дискурсе.

Авторов «Истории и конъюнктуры» [1] Г. А. Бордюгова и В. А. Козлова удивляет, что в статье В. Костикова «Сапоги из шагреновой кожи» [2] «присутствуют, как правило, не реальные факты и конкретные обстоятельства, к примеру, закрытие оппозиционных газет или убийства депутатов Учредительного собрания кадетов А. И. Шингарёва и Ф. Ф. Кокошкина, роспуска самого Учредительного собрания, а некие их символы, иероглифы, которые могут занять подобающее место в рассуждениях автора, только утратив историческую основу, потеряв связь с действительностью. Не реальные факты во всех их связях и опосредованиях, а символы, выстроенные в определённой последовательности и приобретшие форму «интеллектуальной мозаики», из которой можно монтировать любые умозаключения. И лёгкость этого монтажа как раз и объясняется тем, что мы имеем дело не с убийством Шингарёва и Кокошкина, а с иероглифом

«убийства Шингарёва и Кокошкина», не с фактом закрытия оппозиционных газет, а с иероглифом «закрытия оппозиционных газет» [1, с. 254-255].

Но нужно ли здесь удивляться? Может ли автор, исследующий определенные проблемы в 1989 г., оперировать событиями 1917-1918 гг.? Любой человек ответит, что нет. В 1989 г. историк мог лишь оперировать газетными материалами семидесятилетней давности с комментариями журналистов, которые составляли эти комментарии в соответствии с заданиями редактора, пропустив их, насколько это возможно, через призму своей совести. Эта оценка не всегда бывает адекватна самим фактам.

Как, например, следует относиться к Повести временных лет Нестора-летописца: как к факту или же как к символу? Современный текст Повести временных лет – это созданная монахами Выдубицкого монастыря по заданию и в соответствии с указаниями Владимира Мономаха совершенно новая версия летописи. Подлинный же текст летописи был уничтожен. У правителя, пришедшего к власти после «народного восстания», были весьма веские основания для переделки под себя летописного текста. Так что же представляет собой имеющаяся у нас в наличии «Повесть временных лет», факт или символ? Эрнст Кассирер пишет: «Если физик сомневается в результатах эксперимента, он может повторить и уточнить его. Его объекты присутствуют в каждый данный момент в готовности к ответам на его вопросы. Иначе обстоит дело с историком. Его факты принадлежат прошлому, а прошлое ушло безвозвратно, его нельзя восстановить, нельзя побудить к новой жизни в простом физическом, объективном смысле. Всё, что можно сделать, - это «вспомнить» его, т. е. дать ему новое, идеальное существование. Не эмпирическое наблюдение, а идеальное воссоздание, реконструкция – вот первый шаг в историческом знании. То, что мы называем научным фактом, – это ответ на заранее сформулированный научный вопрос. Но чему может направить свой вопрос историк? Он не может стать лицом к лицу с самими событиями, не может проникнуть в формы прежней жизни. Он может лишь косвенно подойти к своему предмету. Он должен считаться со

своими источниками. А ведь эти источники – не физические вещи в обычном смысле этого слова. Они заключают в себе новый и особый момент. Историк, так же как и физик, живёт в материальном мире. Однако то, с чем он имеет дело, начиная исследование, – это не мир физических объектов, а символический универсум, мир символов» [3, с. 647-648].

Что же такое факт сам по себе? Советский энциклопедический словарь так определяет «факт» (от лат. *factum* – сделанное, совершившееся): 1) в обычном смысле – синоним понятий истина, событие, результат; 2) знание, достоверность которого доказана; 3) в логике и методологии науки предложения, фиксирующие эмпирическое знание [4, с. 1391]. Ни в одном из трёх указанных определений факт не может быть использован историком. Так что же остаётся историку – только символы, только иероглифы фактов.

Если Р. М. Вечирко пишет, что «праукраинская культура (полагая трипольскую культуру праукраинской) породила древнеиндийскую, шумеро-вавилонскую, древнеегипетскую и древнегреческую цивилизации, а язык среднеднепровских пращуров украинцев лежит в основе санскрита и его разновидностей и многих европейских языков» [5, с. 298], то, что это – факты или «символы, выстроенные в определённой последовательности и приобретшие форму «интеллектуальной мозаики», из которой можно монтировать любые умозаключения»? [1, с. 254-255]. Заявление того же Р. М. Вечирко на страницах другой книги «Этика. Эстетика» о «высокой морали Майдана» («оранжевой» революции) [6, с. 84] – это что, факт или символ? Тем более, что в условиях, когда «полевой командир» «оранжевых революционеров» был посажен на два месяца в камеру предварительного заключения, в то время когда один из главных вождей этой «революции» дала подписку о невыезде, а на всех них были заведены уголовные дела.

Таким образом, историк оперирует не фактами, а символами «(от греч. *symbolon* – знак, опознавательная примета), что является в науке (логике, математике и др.) тем же, что и знак» [7, с. 1202]. Символы эти, как мы уже цитировали, «выстроенные в определённой последовательности и

приобретшие форму «интеллектуальной мозаики», из которой можно монтировать любые умозаключения» [1, с. 254-255], могут дать историку возможность выполнить любые задания «власти предрешающей» по переписыванию любой истории под любую политическую власть, то есть совершать любую по масштабам фальсификацию истории. Честный и независимый историк, как считает Эрнст Кассирер, «должен научиться, прежде всего, понимать эти символы» [3, с. 647]. При этом «любой исторический факт, как бы он ни был прост с виду, должен прежде всего определяться и пониматься в рамках этого предварительного анализа символов» [3, с. 647].

Кто же может работать с фактами самими по себе? Кроме уже упомянутых физиков, - это химики, биологи, представители технических наук, военные, хотя последние нередко руководствуются не фактами, а именно символами. Оперирование фактами возможно в мире физических тел: «Мир физических тел подчиняется господству математической мысли без всяких ограничений, – пишет Эрнст Кассирер. – В нём не остаётся какого-либо непостижимого остатка, никаких сомнительных «качеств», не сводимых к чистым понятиям величины и числа и в некоторой степени независимых от них. Всё ненужное устраняется и изглаживается из памяти...» [3, с. 13]. Но и здесь человеческое сознание, немислимо без оперирования символами, без символов, иероглифов фактов, невозможно.

Без символов работает интеллект только у животных. Образы у них не становятся символами. Российский философ Г. Ф. Хрустов в своих книгах, посвящённых теории факта [8], большую часть содержания которых составляют эксперименты с высшими животными, понгидами (представителями высших узконосых обезьян, представленных тремя родами человекообразных обезьян: орангутангами, гориллами и шимпанзе. – М. М.), замкнулся именно на этих животных, так близких к человеку. При этом академик-биолог С. Л. Новосёлова констатирует, что «в условиях первобытного стада, когда не понгиды, вероятный предел предметно

опосредованной деятельности которых, как показал в своих экспериментах Г. Ф. Хрустов, ограничивается изготовлением коннекторов, т. е. посредников, сделанных собственными руками и зубами, а гоминиды (представители семейства самых высокоорганизованных человекообразных обезьян, которое включает, по мнению изданного в 1989 г. в СССР «Биологического словаря», и «современного человека», и «его предшественников – палеоантропов и архантропов» [9, с. 152] – М. М.) «переходят к созданию орудий с помощью других орудий» [8, с. 19]. При этом «формируются предметно-знаковые образования, позволяющие передать и получить информацию» [8, с. 19].

Но из всех гоминидов только у такого гоминида как человек «формируются предметно-знаковые образования, позволяющие передать и получить информацию» [8, с. 19], то есть символы. Как мы уже доказали вслед за французским психологом Анри Валлоном, только человек может перейти через дипластии малых детей и древнейших людей к подлинно человеческому мышлению, то есть к оперированию символами [10; 11; 12; 13].

Как считает биолог Иоганн Икскуль, «каждый организм есть как бы монада, у которой свой собственный мир, поскольку имеется свой собственный опыт. Явления, которые мы обнаруживаем в жизни некоторых биологических видов, не могут быть перенесены ни в какой другой вид. Опыт, а значит, и реальность каждого из двух различных организмов несоизмеримы друг с другом. В мире мух, писал Икскуль, мы найдём только «мушинные вещи», а в мире морских ежей – только «ежиные» [Цит по: 3, с. 469]. Это определяется тем, что у любого биологического вида «система рецепторов, посредством которой биологические виды получают внешние стимулы, и система эффекторов, через которую они реагируют на эти стимулы, всегда тесно переплетаются. Они образуют звенья единой цепи, которую исследователь называет функциональным кругом (Funktionskreis) животного» [3, с. 470]. Этот свойственный отдельному виду функциональный круг далеко не универсален. Чего только стоит реакция земноводных (лягушек, жаб) на

шевелиющийся язычок рептилий, прежде всего змей, при абсолютной неподвижности самой рептилии. Различающее только движущиеся предметы зрение земноводных позволяет их глазам видеть в языке рептилии червя небольшого размера, то есть добычу. Самой же рептилии земноводное не видит. В результате идущая на язычок рептилии, как на червя, лягушка попадает в раскрытую пасть змеи. Такие ошибки возможны и у человека. Например, советские трудящиеся польстились на витрины магазинов капиталистического Запада, как лягушки на язычок змеи, и оказались в змеиной пасти капиталистической эксплуатации. Но у человека есть возможность выйти из узких функциональных кругов животных организмов. «Функциональный круг человека гораздо шире, но дело здесь не только в количественных, но и в качественных изменениях, – пишет Эрнст Кассирер. – Человек сумел открыть новый способ адаптации к окружающей среде. У него между системой рецепторов и эффекторов есть ещё третье звено, которое можно назвать символической системой. Это новое приобретение целиком преобразовало всю человеческую жизнь. По сравнению с другими животными, человек живёт не просто в более широкой реальности – он живёт, как бы, в новом измерении реальности. Существует несомненное различие между органическими реакциями и человеческими ответами. В первом случае на внешний стимул даётся прямой и непосредственный ответ; во втором ответ задерживается, прерывается и запаздывает из-за медленного и сложного процесса мышления. На первый взгляд, такую задержку вряд ли можно считать приобретением. Многие философы предостерегали человека от этого мнимого прогресса. «Размышляющий человек, – говорил Ж. Ж. Руссо, – просто испорченное животное»: выход за рамки органической жизни влечёт за собой ухудшение, а не улучшение человеческой природы. Однако средств против такого поворота в естественном ходе вещей нет. Человек не может избавиться от своего приобретения, он может лишь принять условия своей собственной жизни. Человек живёт отныне не только в физическом, но и в символическом универсуме [3, с. 470-471].

Символическое мышление человека спасает его от ошибок, проистекающих от узости и неуниверсальности функционального круга животных. Но отрыв в символическом универсуме от реальности фактов даёт человеку возможность выстраивать элементы этого универсума в любые последовательности и монтировать из них любые умозаключения. Это мы и видим у историков переходного периода на постсоветском пространстве.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) в отличие от животных человек сумел открыть новый способ адаптации к окружающей среде. У него между системой рецепторов и эффекторов есть третье звено – символическая система;

2) человек живёт не просто в более широкой реальности – он живёт как бы в новом измерении реальности по сравнению с животными;

3) если физики, химики, биологи и представители других точных наук имеют дело с фактами, то историк имеет дело с символами, иероглифами фактов;

4) символы эти, выстроенные в определённой последовательности и приобретшие форму «интеллектуальной мозаики», из которой можно монтировать любые умозаключения, дают историку возможность выполнить любые заказы власти по переписыванию истории под ее интересы, то есть фальсифицировать историю;

5) честный и независимый историк должен научиться, прежде всего, понимать эти символы, а любой исторический факт, как бы он ни был прост с виду, должен, в первую очередь, определяться и приниматься в рамках этого предварительного анализа символов;

6) в противном случае историк будет бросаться на непонятые символы фактов как амфибия на язычок рептилии, и попадать вместе с вводимым в заблуждение народом в пасть хищника.

Источники и литература

1. Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура : Субъективные заметки об истории советского общества / Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов. – М. : Политиздат, 1992. – 352 с.
2. Костиков В. Сапоги из шагреновой кожи / В. Костиков // Огонёк. – 1982. – № 32.
3. Кассирер Эрнст. Избранное. Опыт о человеке / Эрнст Кассирер. – М. : Гардарика, 1998. – 784 с.
4. Факт // Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1984. – 1600 с. – С. 1391.
5. Культурологія : Навч. посіб. / В. І. Абрамов, Б. Г. Мачульський, Т. С. Пітякова та ін. – К.: КНЕУ, 2007. – 376 с.
6. Етика. Естетика: Навч. посіб. / І. Є. Волошко, Р. М. Вечірко, Т. С. Пітякова та ін. – К. : КНЕУ, 2006. – 152 с.
7. Символ // Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1984. – 1600 с. – С. 1202.
8. Хрустов Г. Ф. Теория факта. Кн. первая. Природа жизни и фактуальность знания. Кн. вторая. Создание фактуальности в знании / Г. Ф. Хрустов; Под ред. засл. деятеля науки России, проф. Г. К. Ашина. Предисл. акад. РАН С. Л. Новоселовой. – М. : Московский гос. ин-т междунар. отношений (университет), 2005. – 296 с.).
9. Гоминиды // Биологический энциклопедический словарь / Гл. ред М. С. Гиляров; Редкол. : А. А. Баев, Г. Г. Винберг, Г. А. Заварзин и др. – 2-е изд., исправл. – М. : Сов. энциклопедия, 1989. – 864 с. – С. 152.
10. Масаев М. В. Дипластия как ключ к генезису символа (философско-исторический и психологический аспект) / М. В. Масаев // Культура народов Причерноморья. – 2008. – № 147. – Т. 2. – С. 7-17.

11. Масаев М. В. Постижение дипластии как ключа к генезису символа (философско-исторический и психологический аспект) / М. В. Масаев // Сучасні наукові досягнення – 2008 : Збірник матеріалів Всеукраїнської науково-практичної конференції. – В 3-х т. – Т. III. – Миколаїв : НУК, 2008. - С. 258-278.
12. Масаев М. В. Феномен постижения дипластии как ключа к генезису символа / М. В. Масаев // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2008. – № 4. – Т. 21 (60). – С. 73-89.
13. Масаев М. В. Может ли животное перейти от рефлекторного к безрефлекторному, символическому, поведению? (философские, биологические, психологические и исторические аспекты проблемы в свете концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов) / М. В. Масаев // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 163. – С. 108-117.
14. Масаев М. В. Curriculum vitae парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций. Монография / М. В. Масаев. – Симферополь : ДОЛЯ, 2011. – 512 с.

В статті, проаналізувавши хід світової історії та її нові інтерпретації у період переходу всіх пострадянських, а також постсоціалістичних держав Європи від соціалізму до капіталізму, автор приходить до висновку, що історик оперує не стільки фактами самими по собі, а символами. Символи ці, відбудовані у певній послідовності, дають можливість історикам на свій лад монтувати їх, здійснюючи фактично фальсифікацію історії. Для того, щоб історик був об'єктивен, треба навчитися розуміти символи (ієрогліфи) історичних фактів і оцінювати будь-який символ (ієрогліф) історичного факту в рамках цього попереднього аналізу символів.

Ключові слова: факт, ієрогліф, символ, символічний універсам, інтелектуальна мозаїка, фальсифікація історії.

Having analyzed the course of the World History and its new interpretations in the period of transition of all post-soviet states as well as post-socialist states of Europe from socialism to capitalism, author comes to the conclusion, that historian operates not only with the facts by themselves but with the symbols. These symbols being built in consecutive order give to the historians the possibility arbitrarily arrange them, making in fact falsification of the history. To catch the dishonest historian by the hand it is necessary to learn to understand symbols (hieroglyphs) of the historical facts and appreciate any symbol (hieroglyph) of the historical fact in the limits of this preliminary analysis of the symbols.

Key words: fact, hieroglyph, symbol, symbolic universe, intellectual mosaic, falsification of the history.